

6. Об опубликовании Исправительно-трудового кодекса БССР : постановление ЦИК Белорус. ССР, 16 окт. 1926 г. // Собр. законов и распоряжений рабоче-крестьян. правительства Белорус. Социалист. Совет. Респ. – 1926. – № 52. – Ст. 202.

7. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. А.И. Зубкова. – М. : Норма-Инфра, 1997. – 614 с.

Дата поступления в редакцию: 15.06.16

V.A. Danilov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

SOME ASPECTS OF ORGANIZATION OF DETENTION REGIME IN COLONIES FOR MINOR OFFENDERS OF BELARUS IN THE POST-WAR YEARS (1945–1953)

This article is based on archival and published materials and it analyze process of formation and the organization of detention regime in the Belarusian corrective-labor and educational establishments (colonies) for minors. Forms and methods of activity of the department NKVD/MVD of BSSR of fight against children's homelessness and neglect reveal.

Keywords: homeless child, the mode in special penitentiary for minors, escape, the rights of minors, minor offenders.

УДК 94(470) + 355.09:2-725

А.В. Кашеев, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь, аспирант исторического факультета Белорусского государственного университета
(e-mail: kascheevav@rambler.ru)

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается исторический аспект возрастания роли религиозных аспектов в жизни общества в постсоветское время, в частности вопрос влияния военного духовенства на военнослужащих. Анализируется влияние конфессионального фактора на организацию управления военного духовенства накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: конфессиональный фактор, управление протопресвитера военного и морского духовенства, военные капелланы, военные пасторы, военные муллы.

После распада СССР в получивших независимость государствах отмечается постепенное возрастание роли религиозных институтов в жизни общества. Одним из проявлений этой тенденции является тесное сотрудничество религиозных институтов с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Начиная с 90-х гг. XX в. в белорусской, российской и украинской историографии появляются исследования по истории такого сотрудничества. Так как после создания Советского государства традиция взаимодействия религиозных институтов с государственными учреждениями и ведомствами была прервана, ученые обратились к опыту Российской империи, в которой существовало специальное ведомственное духовенство, представленное военными и морскими священно- и церковнослужителями. Восстановление института военного духовенства в Вооруженных Силах Украины и Российской Федерации, а также деятельность Синодального отдела Белорусского Экзархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями Республики Беларусь делают эти исследования как никогда актуальными.

Обращаясь к истории военного духовенства, исследователи рассматривали в первую очередь вопрос влияния духовенства на военнослужащих. С расширением историографической и источниковой баз исследований проблемное поле последних расширялось [1]. Интерес стали представлять непосредственно концептуальные подходы в работах по истории военного духовенства. Несмотря на явное преобладание исследований по истории православного военного духовенства, на рубеже XX–XXI вв. появляются работы, посвященные деятельности военного духовенства других конфессий, в частности военных мулл [1–3]. При этом значительная часть исследований опирается на наработки дореволюционных авторов, тем самым из поля зрения исследователей выпадает организация управления и деятельности военного духовенства во время Первой мировой войны и в годы, предшествующие ей [4, с. 26–29]. Однако столетние юбилеи начала и событий Первой мировой войны активизировали исследовательский интерес к данной теме.

В рамках темы интерес представляет военное духовенство Российской империи как составная часть Вооруженных Сил и соответствующих религиозных организаций, в частности организация управления военного духовенства.

Накануне Первой мировой войны военное духовенство Российской империи было представлено православными, католическими, мусульманскими, евангелическо-лютеранскими и евангелическо-аугсбургскими священно- и церковнослужителями.

Православное военное духовенство представляло господствующую конфессию Российской империи и имело отдельную централизованную структуру в Вооруженных Силах и в Российской православной церкви – Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства (Ведомство) [5]. Его возглавлял протопресвитер военного и морского духовенства. С 1911 г. данную должность занимал Георгий Иванович Шавельский. Ведомство функционально было схоже с действовавшими в Российской империи епархиальными православными консисториями, однако имелись и отличия. Так, во главе военного духовенства стоял представитель белого духовенства, который находился в двойном подчинении: по церковным вопросам – у Священного Синода, по военным – у военного министерства. Избирался протопресвитер Священным Синодом и утверждался в должности императором [5, с. 471]. За время существования Ведомства (до Г.И. Шавельского) его возглавляли А.А. Желобовский (1890–1910 гг.) и Е.П. Аквилонов (1910–1911 гг.). Существенное влияние на назначение протопресвитера оказывал командующий Петербургским военным округом, должность которого в разные годы занимали великие князья Владимир Александрович и Николай Николаевич [4, с. 39].

При протопресвитере действовало духовное правление в составе председателя правления и четырех членов, которые назначались Святейшим Синодом по представлению протопресвитера [5, с. 471]. Председателем духовного правления накануне Первой мировой войны был протоиерей В.П. Грифцов, а членами правления – протоиереи Ф.А. Боголюбов, Ф.М. Ласкеев, А.И. Преображенский и Г.П. Вышеславцев [6, с. 127]. Кроме духовного правления действовала и канцелярия в составе правителя канцелярии, двух делопроизводителей, четырех столоначальников, журналиста, казначея и архивариуса [7]. Правитель канцелярии (1914 г. – действительный статский советник М.П. Журавский [6, с. 128]) находился в двойном подчинении у протопресвитера и обер-прокурора Священного Синода, который назначал его [5, с. 471].

В 1910 г. была введена временная должность помощника протопресвитера военного и морского духовенства. В помощь престарелому протопресвитеру А.А. Желобовскому был назначен Е.П. Аквилонов. При протопресвитере Г.И. Шавельском должность помощника была сохранена, ее занимал протоиерей И.В. Морев [6, с. 126].

В основе Управления были заложены полковые причты, объединенные в дивизионные благочиния. В 1887 г. было проведено уравнивание прав и окладов жалования православного военного духовенства с офицерами. Так, после централизации управления православного военного духовенства в 1890 г. его глава, протопресвитер, был приравнен к генерал-лейтенанту, настоятели военных соборов и протоиереи-благочинные – к полковникам, нештатные протоиереи и священники-благочинные – к подполковникам, священники – к капитанам, штатные и нештатные дьяконы – к поручикам, а псаломщики из духовенства – к подпрапорщикам [8, с. 505–506].

В конце 1913 г. была введена должность гарнизонного священника. Согласно положению гарнизонные священники назначались протопресвитером военного и морского духовенства только в гарнизоны, имевшие не менее двух военных священников, один из которых, старший по сану, занимал должность гарнизонного. Гарнизонные священники должны были непосредственно взаимодействовать с командованием гарнизона, следить за укреплением как «чинов гарнизона в истинах православной веры», так и заключенных гауптвахт и тюрем, не имевших своих священников, распределять на братских собраниях военного духовенства гарнизона обязанности по обслуживанию частей, не входивших в ведение военных благочинных, и т. п. При этом они не получали дополнительного жалования за исполнение возложенных на них обязанностей. В определенных случаях гарнизонные священники, находившиеся «в ведении подлежащих благочинных», могли обращаться к протопресвитеру военного и морского духовенства, которому должны были представлять ежегодные отчеты о своей деятельности [9].

Гарнизонные священники, как и дивизионные, и полковые священники, находились в ведении местных епархиальных архиереев. В ведомстве протопресвитера были неподвижные соборы и храмы, передвижные церкви, где во всех должно было «возноситься по чиноположению имя

местного архиерея». Большое влияние архиереи вместе с протопресвитером оказывали также на назначение и перемещение военного православного духовенства. Священники передвижных церквей, прибыв на новое место служения, должны были сообщать местному преосвященному о начале своего служения на территории епархии [5, с. 473]

Система управления православным военным духовенством, которая в 1914 г. охватывала 975 человек (вместе с морским духовенством) [4, с. 48], не отвечала в полной мере потребностям Вооруженных Сил. Для выработки дальнейшей стратегии развития в Санкт-Петербурге с 1 по 10 июля 1914 г. проходил первый съезд представителей военного и морского духовенства [10]. По итогам съезда был разработан проект нового Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств [10, с. 252]. В вопросах управления это положение содержало ряд нововведений. Так, в частности, предлагалось введение должностей главных окружных священников, которые могли занимать только протоиереи, выбранные духовенством округа и утвержденные Священным Синодом по представлению протопресвитера военного и морского духовенства. Таким образом, в структуре управления военным православным духовенством учитывалась бы военно-окружная система Российской империи. Для реорганизации благочинного надзора должны были вводиться должности корпусных (для военного духовенства) и местных (для морского духовенства) благочинных [10, с. 253]. Дело в том, что основным тактическим соединением российской императорской армии был корпус, в состав которого входили дивизии, бригады и т. д., поэтому деятельность дивизионных благочинных не охватывала все духовенство корпуса.

Военное духовенство других конфессий к началу Первой мировой войны такой развитой структуры не имело, хотя до 1896 г. на территории Царства Польского существовала особая управленческая структура военных капелланов во главе с административным деканом. Однако в 1896 г. в ходе оптимизации конфессионального состава и численности неправославного военного духовенства эта структура была ликвидирована. При оптимизации военное командование учитывало конфессиональный состав военнослужащих и возможность обеспечения их религиозных нужд без привлечения штатного военного духовенства. Оставшиеся после ликвидации в 1896 г. штатных должностей военных мулл должности военных капелланов и пасторов включались в штат военных округов, в которых предполагалось их существование [4, с. 55]. По правам и должностному окладу они приравнивались к капитану, а место их службы определялось командованием военных округов. Так, например, военные капелланы Виленского военного округа первоначально назначались в распоряжения Рижского и Витебского воинских уездных начальников [11], однако в последующем местопребывание одного из них было перенесено из Риги в Вильно, к штабу округа [12].

По вопросам военной службы неправославное военное духовенство находилось в подчинении у командования воинских подразделений и учреждений, за которыми было закреплено. При этом командование военных округов могло предлагать своих кандидатов на вакантные должности, однако последние должны были пройти процедуру согласования. В Российской империи все неправославные конфессии находились в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (ДДДИИ). Военное неправославное духовенство, несмотря на свой ведомственный статус, не являлось исключением. В первую очередь ДДДИИ рассматривал вопросы комплектования и награждения этого духовенства, взаимодействовал с религиозными учреждениями и лицами, в ведении которых находились религиозные вопросы деятельности военного неправославного духовенства [13, с. 256].

Военные капелланы к началу Первой мировой войны были включены в штат восьми военных округов – Виленского, Варшавского, Кавказского, Киевского, Московского, Санкт-Петербургского, Одесского и Приамурского. Каждый военный капеллан имел причетника из нижних чинов, а капеллан Варшавского военного округа Франциск Бильский – также помощника, викарного капеллана Антония Пиотровского [14]. При этом последний не входил в состав военного духовенства, так как не был включен в штат, содержался за счет Римско-католической церкви и действовал с разрешения военного министерства. Общая численность военных капелланов составляла 16 человек, с учетом ксендза Леонарда Рашинского – капеллана морских и сухопутных войск в Кронштадте [12].

С начала XX в. все военные капелланы находились в ведении Могилевского римско-католического архиепископа-митрополита. Однако «ближайшее наблюдение» за их деятельностью осуществляли католические епископы, которые обладали правом предлагать кандидатов на вакантные должности военных капелланов [15]. По католическому церковному праву

епископы не могли назначать (без разрешения Папы Римского) священников в чужие епархии. При этом в рамках своих епархий они имели право давать распоряжения военным капелланам в вопросах религиозной деятельности.

Таким образом, военные капелланы были интегрированы (за исключением Варшавского военного капеллана) в систему епархиального управления Могилевского архидиоцеза, так как главенство Могилевского архиепископа-митрополита над военными капелланами часто сводилось только к официальному назначению на вакантные места представленных местными епископами кандидатов. В Варшавском военном округе должность военного капеллана мог занимать только уроженец имперских губерний, который назначался без согласования с местным Варшавским архиепископом, так как епархии Царства Польского не входили в состав Могилевского архидиоцеза [16].

Военные пасторы в 1896 г. были включены в штат Виленского, Варшавского, Санкт-Петербургского и Кавказского военных округов [4, с. 53]. Как и военные капелланы, они были приравнены к капитанам. Следует отметить, что в Вооруженные Силы допускались только священнослужители евангелическо-лютеранской и евангелическо-аугсбургской церквей. При этом проповедники последней были представлены только в Варшавском военном округе, где вопросы церковно-административного управления и комплектования духовенства осуществляла Варшавская евангелическо-аугсбургская консистория [17]. В этом округе предполагалось две штатные должности из пяти положенных в вооруженных силах.

Все приходы евангелическо-лютеранской церкви были объединены в пять консисториальных округов – Санкт-Петербургский, Московский, Лифляндский, Курляндский и Эстляндский. Центральное управление осуществляла Евангелическо-лютеранская Генеральная консистория, которая непосредственно взаимодействовала с ДДДИИ по вопросам комплектования и управления военными пасторами. При этом военные пасторы Виленского, Санкт-Петербургского и Кавказского военных округов находились в ведении местных консисторий – Курляндской, Санкт-Петербургской и Московской соответственно. Эти же консистории по запросу Генеральной консистории предлагали кандидатов на вакантные должности военных пасторов [17]. И пасторы военных округов не были интегрированы в полной мере в структуру своих церквей. Эти священнослужители могли не согласовывать проведение церковных служб ни с приходскими пасторами, ни с пробстами или консисториями, так как все военнослужащие-лютеране военного округа являлись его непосредственной паствой.

Военные муллы после оптимизации 1896 г. были включены в штат Вооруженных Сил только в 1908 г. [2, с. 27]. В годы русско-японской войны 1904–1905 гг. муллы были задействованы на театре боевых действий в удовлетворении религиозных нужд военнослужащих-мусульман [3, с. 238]. Это было временное назначение, которое получило высокую оценку военного командования. Введение свободы вероисповедания в ходе революционных событий 1905–1907 гг. ограничило возможность призыва на срочную службу мусульманского духовенства. Всего создавалось девять штатных должностей военных мулл, при этом одна – в Московском военном округе и по две – в Варшавском, Виленском, Киевском и Приамурском военных округах [17]. К 1914 г. должности военных мулл Варшавского военного округа были вакантны.

Следует отметить, что материальное обеспечение военных мулл было ниже (за исключением погонных денег) обеспечения военных капелланов и пасторов, что в определенной степени свидетельствовало о более высоком статусе последних. Религиозная деятельность военных мулл была передана под контроль Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), которое согласовывало предложенных ДДДИИ кандидатов на вакантные должности [3, с. 239]. Участие ОМДС было обосновано подконтрольностью ему большинства военнослужащих-мусульман. Часть военных мулл возглавляла губернские мусульманские общины. В то же время расположенные на территории Варшавского, Виленского и Киевского военных округов мусульманские общины были подчинены Таврическому магометанскому духовному правлению. Таким образом, происходило нарушение существовавшего порядка управления мусульманскими общинами.

Итак, конфессиональная принадлежность военного духовенства Российской империи определяла систему его управления. Православное военное духовенство, представлявшее в Вооруженных Силах господствующую конфессию, имело отдельное управление во главе с протопресвитером военного и морского духовенства. Внутренняя организация этого управления согласовывалась с системой управления Российской православной церкви.

Военное духовенство других конфессий было малочисленным, что являлось одной из при-

чин отсутствия отдельных управлений (католического военного духовенства и т. д.). Это военное духовенство, как и православное, испытывало на себе влияние системы управления своих религиозных организаций. Структура римско-католической церкви с устоявшейся иерархией, отдельным церковным правом и религиозной традицией требовала включения военных капелланов в структуру управления этой церкви. В то время как подверженные светскому влиянию евангелическо-лютеранская и евангелическо-аугсбургская церкви полной интеграции не требовали, однако учитывали зоны влияния друг друга. Военные муллы, статус которых был самым низким среди военного духовенства, в религиозных вопросах были подведомственны ОМДС, но зависимость от него была минимальной.

1. Баимов, А.Г. Военное духовенство в Российской империи: краткий историографический обзор / А.Г. Баимов // Истор., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7 (57). – Ч. II. – С. 18–21.

2. Шершнева, Е.А. Проблема формирования военного мусульманского духовенства в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / Е.А. Шершнева, П.К. Дашковский // Религиоведение. – 2012. – № 3. – С. 24–29.

3. Кащеев, А.В. Особенности назначения военных мулл в действующую армию Российской империи в годы Первой мировой войны / А.В. Кащеев // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов VI Междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Сlio-2016», Москва, 6–8 апр. 2016 г. / ФКУ «Российский государственный архив социально-политической истории» [и др.] ; редкол.: А.К. Сорокин [и др.]. – М., 2016. – С. 237–240.

4. Капков, К.Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году / К.Г. Капков. – М. : Летопись, 2009. – 256 с.

5. Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомства : Высочайше утв. 12. июня 1890 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1893. – Собр. 3. – Т. 10. – Отд. 1. – № 6924. – С. 470–481.

6. Капков, К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы / К.Г. Капков. – М. : Летопись, 2008. – 752 с.

7. Штат управления протопресвитера военного и морского духовенства : Высочайше утв. 23 декабря 1911 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1914. – Собр. 3. – Т. 31. – Отд. 2. – № 36302. – С. 690.

8. Ставровский, А. Новое положение о служебных правах и окладах содержания военного и морского духовенства, выработанное в военном министерстве в 1883–1888 гг. по проекту протоиерея Санкт-петербургского клинического военного госпиталя / А. Ставровский // Христианское чтение. – 1892. – № 5–6. – С. 493–515.

9. Об утверждении Положения о гарнизонных священниках : Высочайше утв. 19 ноября 1914 г. / Полное собрание законов Российской империи. – Петроград, 1916. – Собр. 3. – Т. 33. – Отд. 1. – № 40544. – С. 1318.

10. Катков, В.М. Первый Всероссийский съезд представителей военного и морского духовенства в документах Российского государственного исторического архива / В.М. Катков // Вестн. архивиста. – 2011. – № 2. – С. 248–257.

11. О назначении военных капелланов в Виленский военный округ : отношение ДДДИИ митрополиту Козловскому, 02.09.1897, № 4297 // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 826. Оп. 3. Д. 260. Л. 115.

12. Список военных капелланов Российской империи и Царства Польского // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 826. Оп. 1. Д. 1954. Л. 82.

13. Кащеев, А.В. Участие Министерства внутренних дел Российской империи в формировании военного духовенства в годы Первой мировой войны / А.В. Кащеев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 апр. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 256–257.

14. О содержании капеллана Варшавского военного округа и назначении ему викарного священника: отношение Главного штаба митрополиту Козловскому, 18.11.1896, № 54209 // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 826. Оп. 3. Д. 260 Л. 69–69об.

15. О подчинении всех военных капелланов могилевскому архиепископу: отношение ДДДИИ управляющему архиепархией Денисевичу, 24.05.1903, № 1772 // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 826. Оп. 3. Д. 260 Л. 212.

16. Справка по поводу жалобы епископа Люблинского на капеллана Фелинского // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. Оп. 125. Д. 3211. Л. 19–22.

17. О назначении полевых пасторов : отношение евангелическо-лютеранской Генеральной консисто-

рии в ДДДИИ, 28.01.1913 // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. Оп. 10. Д. 1062. Л. 23.

18. Справка о военных муллах // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. Оп. 133. Д. 600. Л. 1–2.

Дата поступления в редакцию: 08.10.16

A.V. Kashcheyeu, Research Associate of the Research Department at the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Postgraduate student of History Faculty at the BSU

THE CONFESSIONAL FACTOR IN THE GOVERNANCE STRUCTURE ORGANIZATION OF THE RUSSIAN EMPIRE MILITARY CLERGY ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

The influence of the confessional factor on the governance structure organization of the Military Clergy on the eve of the First World War is being under scrutiny. It was determined that the Military Clergy characterized by multi-denominational structure had not established a unified management system in the Military on the basis of the conducted analysis of Historiography and historical sources. This being the case, the Orthodox Military Clergy, representing the State Religion, possessed the numerical predominance and a separate institutional framework headed by the Protopresbyter of the Military and Naval clergymen.

The Military clergy of other denominations were under the authority of the bodies (representatives) of the central or local ecclesiastical administration, except for the matters that lay within the jurisdiction of the Ministry of Defense and the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: the religious factor, the administration of the Protopresbyter of the Military and Naval Clergy, military chaplains, military pastors, military mullahs.

УДК 340.1

А.А. Козел, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: Shura-K82@mail.ru)

КАТЕГОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Анализируется исторический аспект понятия категории справедливости. Рассматриваются основные параметры категории справедливости в политико-правовой мысли Древней Греции.

Ключевые слова: справедливость, право, закон, добродетель, равенство, правосудность, законопослушность.

В англосаксонской семье права, рецепитирующей римскую традицию, justice с английского переводится как справедливость, правда, беспристрастие; стоять за правду – fight for justice. Во французском justice означает правосудие, справедливость; juste – правильно, верно.

В Древнем Риме термин «справедливость» обретает четко выраженный юридический статус (justitia, juste) – справедливо, законно, по праву, справедливости, что связано с усложнением общественных отношений и возрастанием роли права в их регулировании.

В.И. Даль рассматривает справедливость как правду, правосудие, а справедливым называет правильное, сделанное законно, по правде, совести, правоте; идущего по правде, неподкупного (о судье, человеке) [1, с. 501]. С.И. Ожегов, в свою очередь, трактует справедливость так же, как правду [2, с. 1115]. Аналогично понимается справедливость, например, в немецком языке: Richtigkeit – правильность (от richtig – правильный).

Таким образом, со времени обретения человеческой жизнью цивилизованного устройства люди занимаются поисками ориентиров оптимальных форм организации своего общежития, одной из которых является справедливость. Что она собой представляет, в чем ее сущность и какова ее теоретическая модель?

В современной юридической российской энциклопедии справедливость трактуется двояко: как процессуальная или логическая, почти механическая оценка действия согласно критериям, зафиксированным в общепринятой и обязательной нормативной системе – законе; как апелляция к некоторому критерию или совокупности ценностей, которые считаются более высокими, чем те, что нашли воплощение в законе [3, с. 800–801]. В белорусском и российском